

Виктор Окороков

ЛИК И СКЛАДКИ СОЦИУМА (ТРАНСГРЕССИИ СМЕХА)

Общество порождает культуру, которая, исчерпав свои возможности воздействия на индивидуума, отмирает. Очевидно, что между человеком и обществом существует глубокая связь, которая взаимообогащает их в процессе эволюции и разрыв которой губителен для обоих. Это третье начало (как промежуточная форма), которое осуществляет их связь, невидимую и столь важную для обеих сторон, в истории философии так и не закрепилось на понятийном уровне. Идеальное государство (Платона), Левиафан (Гоббса), город Солнца (Кампанеллы), общественно-экономическая формация (Маркса), – это лишь лики и маски социума, хотя они и территориализировали межличное пространство и, скорее, воспринимались как реально существующий «организм» коммуникации людей. Возможно, поэтому и Деррида, и Делез хотели разработать программу реконструкции «призраков Маркса», реальное осуществление которой первый до конца не довел, а второй не успел выполнить. Скрытые тени или явные лики государства были предметом анализа практически всех постструктуралистов. Но, осуществив программу реконструкции личности, они, по сути, провели лишь косметический анализ поверхностных явлений социума. Общество спектакля, театр абсурда, симулякры – вот некоторые из «призраков» социума, порожденные новым европейским мышлением. И хотя вся территория Земли раскроена по образцу этих «призраков» и существуют весьма реальные границы между ними, сама их сущность остается за пределами видимости. Иначе трудно объяснить тот факт, что принцип справедливости, разработанный еще Платоном, на деле так и остался эфемерной директивой, понимаемой каждой социальной группой как «симулякр», то есть по-своему.

Общество и природа, воздействуя на человека, создают некоторые надстрочные механизмы (маски), которые фиксируются на сознательном, бессознательном и даже геномном уровнях его бытия. Все эти «маски» закрепляются в определенных понятиях и смысловых конфигурациях, а также на уровне коллективного, индивидуального и символического бессознательного. Точнее, общество проявляется в людях в определенных ликах (масках и образах), в формах объективации и социализации. Человек смертен, но он обладает множеством механизмов фиксации своего бытия в истории, а также реакцией на «колебания бытия» в настоящем. Смех является одним из самых совершенных способов такой реакции на все возможные отклонения от выработанных социумом нормативов поведения. Речь идет о мгновенной реакции психики на отклонение от смысловых констант бытия и масок-образов, навязанных социумом, от

привычных и стандартных процессов объективации. Поэтому смех и социален, и индивидуален. Исследованием фундаментальных отклонений психики от «масок и ликов» социума занимались психоаналитики.

Однако в последнее время появились теории бессознательного, в которых осуществлена попытка социализировать бессознательные процессы, указать на их социальные корни. Таковы теория символического бессознательного Лакана и шизоанализ Делеза и Гваттари, которые увидели государство в контексте бессознательных мотиваций поведения человека.

В физических средах феномен границы структуры вполне визуален. Более того, человек склонен судить о вещи, скорее, по ее форме, нежели по ее внутреннему содержанию. Гораздо более сложными являются процессы взаимосвязи между различными топологическими образованиями. Для осуществления таких переходов Делез и Гваттари разработали механизмы территориализации и детерриториализации, которые обеспечивают взаимосвязь эволюции различных топосов. Сам процесс вовлечения различных топосов в игры эволюции получил название «ризомы». Хорошо известны ризомные процессы, данные Делезом и Гваттари в качестве примера, – взаимосвязь осы и орхидеи, книги и мира, воздействие которых на противоположный («чужой») мир приводит и к собственной эволюции. Бинарные отношения, господствующие в психоанализе, сменяются в шизоанализе Делеза и Гваттари ризомными. «Мир превратился в хаос... Книга – не образ мира. Она образует с миром ризому, происходит непараллельная эволюция книги и мира. Книга обеспечивает детерриториализацию мира, а мир способствует территориализации книги, которая в свою очередь сама детерриториализуется в мире» [1, с. 16]. Фактически, пограничный мир осы и орхидеи, книги и мира – это образ поверхности, через которую осуществляется их взаимодействие. А так как оса в действительности не может стать орхидеей, а книга – миром, то противоположный «чуждый» мир в таких оппозициях может раскрываться только поверхностным образом (посредством системы кодов, расположенных на поверхности, – посредством языка смыслов). Т. е. должна осуществиться операция трансгрессии (так, море и суша взаимодействуют по тонкой береговой линии-поверхности) – перехода смысла действия через границу – преобразования кодов. Следовательно, и поверхность не является лишь простым фактом границы тела, она также представляет собой систему взаимосвязи тела с внешним миром, систему преобразования кодов.

Точным выражением ризомы является и другая конструкция – личность-общество, которую Делез и Гваттари предпочитали описывать иным образом. В их концепции человек, как «машина желания» детерриториализует общество, а общество территориализует человека (конституирует его как «машину желания»). Эдипов комплекс – один из способов такой территориализации. Однако, как показали Делез и Гваттари,

такие ризомные процессы осуществляются на бессознательном уровне. Хотя личность и хочет избавиться от комплекса, но не может, она не властна над бессознательным и не способна воздействовать на противоположную часть ризомы – общество, механизмы влияния которого на личность также скрыты от понимания (в настоящем). В человеке общество являет свой лик, но код этого явления в чистом виде человеку не доступен, он теряется (или преобразовывается) на границе человеческой психики. Как соборность, так и военные действия одинаково необходимы для всех членов данного государства, хотя скрытые механизмы войны и мира многим его членам не известны, более того, чужды. Если в психоанализе эдипов комплекс раскрывается как причиняющий извне фактор, то в шизоанализе он предполагает свободу от внешней каузальности, что обесценивает символ отца. Принципиально иное отношение к бессознательному в шизоанализе, который перестраивает всю внутреннюю бессознательную структуру психики. Психика раскрывается теперь как топос, объединяющий все точки внутреннего пространства посредством абстрактной линии ускользания (или детерриториализации), следуя которой они (точки) способны вступать в отношения с другими линиями ускользания и создавать совместные образования. Такой ризиоморфно организованный топос в каждый конкретный момент времени демонстрирует свою способность к изменению и созданию новых конфигураций психики. У Фрейда и Юнга бессознательное, по сути, является статическим, у Делеза и Гватари динамическим, постоянно изменяющимся и поэтому ускользающим от понимания.

В отличие от ризомы книга-мир, ризома личность-общество изоморфна, так как каждая из участвующих сторон и детерриториализирует, и детерриториализирует другую. Таким образом, ризома личность-общество демонстрирует свою сложность и обратимость. Общество конфигурирует или детерриториализирует бессознательное личности, создавая машины желания, но личность, в свою очередь, являясь дитем общества, на уровне сознания стремится детерриториализировать общество, изменить его сущность и «бессознательную» структуру. Важным свойством личности является способность «писать», которая связана с ее ризиоморфными свойствами. По оценке Делеза и Гватари, она (эта способность) имеет отношение не к «означивать», а к «межевать», «картографировать» даже неизвестную местность, то есть прокладывать линии ускользания как линии возможного, но не единственного и даже не финального (в этом плане ускользающего) смысла [2, с. 217]. В этом смысле писать и означает проводить границу мыслимого и «мирового». Мысль превращается в смысловое письмо по территории «мира», в буквальном значении – в смысловую границу «мира». Такое осмысленное отношение к поверхности, позволяющее топографировать ее свойства, привело не только к появлению письма, но также

к созвучным ему операциям топографии и топологии. Видимо, именно письмо явилось первым наглядным проявлением поверхности психики. Изначальное отсутствие смысла на поверхности обеспечивает бесконечное пространство генерации возможных смыслов. Пространство смыслов является исходной поверхностной территорией ризомы «мысль-мир», а письмо, язык, смех – есть различные варианты поверхностного раскрытия ее смыслов. Видимо, наличие ризомы «мысль-мир» является фундаментальной константой мира, в котором мы живем, благодаря которой возникают разные поверхностные явления.

Но смех является также одним из наиболее сложных явлений другой ризомы личность-общество. Поэтому он, будучи поверхностным явлением, становится ризоморфным, постоянно изменяющимся и отражает тонкую связь мысли и тела человека, а опосредованно личности и общества. В смехе общество детерриториализирует личность, дает возможность ей разрядить внутреннее напряженное единство, выстроенное по территориальному принципу. Такие явления, как смех, желание, власть, являются важнейшими характеристиками поверхностной конструкции личность-общество. Это те силы, которые раскрывают основополагающие свойства ризомы личность-общество. Таким образом, мы видим, что каждая ризома всегда связана с константными силами, действующим на ее поверхности. Если нет такой поверхности, то нет соответствующих константных сил и не возникает ризома. Ризома появляется только там, где есть возможность кодопреобразования на границе, возможность образования смысла.

Делез и Гваттари рассматривают бессознательное не как первичную зону психики, которая не доступна сознанию, а как первичный хаос, обладающий единственным свойством – возможностью порождения (производства) смыслов. С их точки зрения, наиболее глубинным бессознательным пластом является зона, в которой постоянно воспроизводится процессуальность желания. Этот пласт соответствует доиндивидуальному и доперсональному состоянию субъективности. Это свойство постоянного воспроизводства желания субъекта Делез и Гваттари назвали «машиной желания», то есть ее бытие и включает в том, чтобы постоянно воспроизводить желание. Но в отличие от обычных машин, «машины желания» могут функционировать только в испорченном виде, постоянно ломаясь.

Для характеристики ризомы личность-общество Делез и Гваттари вводят два типа машин «машины желания» и «социальные машины», на микро- и макро-уровнях социальности. Их взаимосвязь настолько жесткая, что первые не существуют без вторых и наоборот: нет социальных машин без желающих машин. На молекулярном уровне машин желания происходит процесс постоянного разрушения кода, присущего

социальным машинам, и процесс детерриторизации (личности). Поэтому «машины желаний» реализуются вне бинарных оппозиций (то есть за пределами смысла). Но именно с их деятельностью связан процесс конституирования индивидуального Я. Однако в силу того, что хаос «машин желаний» не случайный а сингулярный, построенный по типу ускользания, а не складывания кодов или смысла, то поломка таких «машин желаний» приводит к появлению постоянно генерируемого подобия смысла (или желания). Власть детерминирует сознание извне, желание изнутри психики. По сути, общество ломает постоянные уходящие в бесконечность, ускользающие линии психики и конституирует здесь собственные механизмы, в частности, эдипов комплекс. А так как поток ускользания изначально сломан, точнее, градуирован, здесь порождаются «знаки желаний» или фигуры, то в дальнейшем личность уже не может вмешаться в процессы бессознательного порождения таких знаков и вынуждена жить по рецептам общества. Эту «поломку» и принято называть в психоанализе индивидуумом. Знаки детерминируют определенные желания. Так социальные процессы порождаются на микроуровне желаний. Граница личность-социум градуирована, и субъект желания не может вмешаться в эти процессы, так градуирование (порождение кодов желаний) происходит тогда и там, где человек не властен вмешаться в эти процессы, – в детстве на уровне бессознательного. Социум порождает людей по своим матрицам. На социальном макроуровне на границе с личностью рождается власть, на социальном микроуровне – желание. Эта ризоморфная поверхность, как лист Мебиуса, картографируема с двух сторон.

Очевидно, такая модель жестко связана с шизоаналитическим принципом построения бессознательного, согласно которого хаос – вовсе не пустота, а быстро исчезающий с горизонта настоящего поток событий (происходящие изменения здесь настолько значительны, что внешний наблюдатель не успевает на них реагировать, со стороны высвечивается полное отсутствие смыслов). Событие у Делеза жестко связано со становлением, основная черта которого – ускользание от настоящего. Такое представление о событии дает возможность расшифровать смысл логических парадоксов Л. Кэрролла. Если мы смотрим на последовательность событий посредством опыта и разума, то она жестко детерминируется возможностями нашего представления о ней (нашей мерой о настоящем). В таком подходе наше представление о причинно-следственной связи не нарушается, так как соответствует нашей мере. Иное дело, если мы не в состоянии зафиксировать связь событий; мера утрачивается и утрачивается причинно-следственная связь. Тогда девочка Алиса в одно мгновение становится очень большой или очень маленькой, тонет в море слез, ею же произведенном (со стороны, как внешний

наблюдатель, автор фиксирует даже не сам размер девочки, а относительные признаки ее изменения – автора интересует парадокс, а парадокс рождается только в сравнении), – событие стремительно ускользает из настоящего, и происходящее утрачивает меру реальности, превращается в симулякр.

Только резкое ускользание от настоящего порождает улыбку, которая отражает наше несогласие с происходящим: смена событий не соответствует нашим представлениям о ней, что приводит к расхождению фиксируемого на поверхности события смысла с общепринятым. Улыбка и смех – наша реакция на отклонение от общепринятого смысла (от нормы). Человек – дитя нормы. Его психика, с точки зрения психоанализа, обладает двумя несомненными свойствами: бессознательным как хаосом (детерминирующим потоком ускользания от настоящего в прошлое или будущее) – хаосмосом, и системой мер, которую можно назвать разумом (хранилищем настоящего, набором картографических знаний о настоящем, которые зафиксированы в сознании как реальность).

Улыбка – это лик, идущий из глубин психики и фиксируемый на ее поверхности, он отражает ситуацию расхождения внутреннего и внешнего (напряжения между ними). По формуле Фуко-Делеза, субъект есть складка внешнего. Глубина в концепции Делеза и Гваттари может рассматриваться как изгиб внешнего, а улыбка, наоборот, как изгиб внутреннего, если точнее, как двойная складка. Поэтому улыбка и смех вообще – одно из самых сложных явлений человеческой психики. Ведь фиксация внутреннего (глубины) на поверхности психики еще не означает складку. Движение мысли – еще не двойная складка. Субъект как машина, видимо, действительно первая складка, но личность как выражение субъекта – уже явление второго порядка, двойная складка. Объективация – явление более сложное, чем простое отражение мысли, так как здесь уже должны учитываться нелинейные флуктуации психики, такие как творчество. Произведения искусства – не просто воплощенная мысль, а мысль, прошедшая через «муки или радости» психики – ценностное воплощение личности. Улыбка Джоконды – вовсе не чистая мысль сама по себе, а ее преломление через психику автора. Улыбка в этом смысле созвучна творчеству – она явление второго порядка.

Глубина может рассматриваться как представление о настоящем – как хранилище (сумма) эталонов настоящего, соответствующих общепринятому здравому смыслу. Граница порождает новые смыслы, источником которых может быть действительность, книга, общество и т. д. Расхождение между смыслами из глубины и на поверхности порождает реакцию личности, одним из крайних проявлений которой и является смех. Смех привязан к телу, он выходит из тела. Характер и смех являются противоположными сторонами листа Мебиуса, сливающимися в

движении [3, с. 52]. Характер может раскрываться как жесткая детерминация поверхности из глубины (со стороны норм и мер настоящего), когда внутренние импульсы детерминируют смысл на границе и подавляют внешние импульсы. Характер подавляет внешние смыслы, навязывает поверхности свое состояние, заставляет внешнее подчиниться внутреннему. Иное дело смех, который ничего не подавляет, а лишь снимает разницу потенциалов, возникающую между глубинным и поверхностным (внешним, приходящим извне) смыслами. Смех демонстрирует самодостаточность личности, ее способность к разрешению внутренних противоречий (конфликтов). В то же время в связи с тем, что глубина личности детерминирована социальной машиной (социумом), можно утверждать, что во всякой улыбке или разновидности смеха проявляется лик социума. Социум для личности всегда есть усредненное и поэтому образец, система мер, отклонение от которой ненормально и неестественно. Поэтому смех – дитя времени. Разные поколения смеются над разным. «Смех борется со всякой косностью и когда косность воплощается, обретает плоть в жесте, слове или характере, это тело – машина, машинная косность, всегда вызывающая смех... Смех, разрушая механистическую косность, утверждает тем самым чистое движение, всегда предельно ярко выражен, он всегда театрален, движение, знаменуемое смехом – это всегда характер, роль персонажа в зависимости от масштаба самого движения» [3, с. 54]. Такой смех – реакция на косность общества или ее проявления в других «машинах». Ведь социальная машина всегда представляет собой систему «машин» (по Делезу и Гваттари, машин желания), и другой раскрывается в этой системе как лик общества. Поэтому, смеясь над другими, мы всегда смеемся и над собой, и над обществом.

Лик глубины и есть мудрость, глубина всегда знает ответ, как оракул, который говорит только символами смысла и поэтому не может ошибиться. Ошибаются люди, а не символы. Общество как символ всегда знает ответ. Концентрация этого символа – говорение от имени общества, в том числе и от имени Бога, который всегда может ассоциироваться с предельным символом любого сообщества, – и есть мудрость. Можно сказать и так, что в лике говорит сущность человека, которая всегда является константой нормирующего ее общества.

Одну из разновидностей лика демонстрирует П. Слотердайк. Лицо в его концепции – это форма идентичности. Лицо сегодня под угрозой – оно стремительно теряется... Э. Левинас описал лицо как самую открытую и незащищенную часть человеческого тела, которая провоцирует желание ударить. Ж. Делез говорил, что лицо европейца – это лицо Христа. Стало быть, лицо – сравнительно недавнее и новое явление культуры [4, с. 13]. Слотердайк заключает глубину к округлости:

«Теология и онтология... всегда представляют собой учение о круглой форме некоего вместилища; лишь исходя из этой формы могут возникнуть представления о внешних очертаниях империи и космоса» [5, с. 63]. Формула Слотердайка – это другой образ, лик глубины, раскрывающий хаос через порядок – сферический. Лик Делеза-Гваттари связан с нарушением внутренней симметрии линий ускользания бессознательного, это своеобразная топологическая конструкция, напоминающая временной конус мира Минковского, на поверхности которого могут быть как временеподобные так и пространственноподобные события – это конус ускользания от настоящего одновременно и в прошлое, и в будущее. Лик Слотердайка – это равномерная сферическая расходящаяся от центра глубина бессознательного (в виде сферической поверхности). Здесь нет пространственно-временных нарушений. Это своеобразная трансформация теории хайдеггеровского *Dasien*, выдвигающегося в ничто, в которой потому и трудно определить сущность «присутствия», что поверхность соотношения внутреннего (*Dasein*) и внешнего расходитя. *Dasein* трудно определить, так как оно представляет собой расходящийся поток бессознательного (глубины), в котором разметка, картографирование, фиксация внешнего раскрывается как бытие. Итак, на основании рассмотренных моделей мы можем заключить, что топос бессознательного (глубины психики) определяет общую модель бытия человека, и фактически отображает лик общества, детерминируется им. В настоящее время трудно судить, каким реально является топос глубины. Мы должны следовать модели бессознательного Делеза-Гваттари, Хайдеггера-Слотердайка, Левинаса, Вальденфельса либо какой-либо другой. Для этого нужны более предметные исследования психики. Однако очевидно, что вместе с переходом к топосу бессознательного, в котором является лик социума, мы совершаем поворот от классического психоанализа Фрейда, Юнга и др. к неклассическому, от психоанализа с абсолютной самодостаточной разметкой «Я» к его топологическим поверхностям, где смеху отведено значительное место.

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философии эпохи постмодерна.– Мн.: ООО «Красико-принт», 1996.– С. 6–32.
2. Можейко М. А. Детерриториализация // Постмодернизм. Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко.– Мн.: Книжный дом, 2001.– С. 216–217.
3. Маковецкий Е. А. Социальная аналитика ритма. Жиль Делез или о спасении.– СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 2004.
4. Марков Б. В. Антропология интимного // Слотердайк П. Сферы микросферологии. СПб.: Наука, 2005.– Т. 1. Пузыри.– С.1–34.
5. Слотердайк П. Сферы микросферологии.– СПб.: Наука, 2005.– Т.1.– Пузыри.